

АРБАТСКОЕ КРАСНОЕ

Помню высокого дремучего дядьку, лет шестидесяти, Василий... А дальше забыла. Его бомжи особенно уважали. Еще были отец и сын, оба поэты завязанные; сын – белесый отрок с долгими волосами, – Сережа, по-моему. А папа – хитрый пьяница с утиным носом. Как их фамилия была?

Костандоглу помню – коренастую крепкую тетку с хозяйственным лицом; Догла говорила, что к ней буквально все арбатские поэты с нескромными предложениями подкатывались. Но она была – как скала. У нее дома мы пили коньяк, слушали про творческий путь и Марину Цветаеву, и как смело она воровала котлеты с соседской сковородки.

Помню Сережу Тенина и отставного райкомовского функционера Володю Лакеева, который для красавицы писался Ланеевым. Тенин был откуда-то из Сибири, и он рассказывал, что у него огурцовая грядка размером с взлетную полосу, и к ним туда летающая тарелка прилетала, прямо в рассаду. Еще как его учитель школьный на последнего в тех краях крокодила ходил, и убил его. Так что теперь одни лягушки остались. А учитель от пьянства потом скончался. Очень по крокодилу горевал.

Еще помню щекастого еврея Мишу, который сам ничего не читал, а торговал сборными сборниками очень успешно. Я его еще много лет встречала у Арбатской, с фальшивыми дипломами и трудовыми.

Помню еще гладкого молодого человека в плаще и с лицом подлеца (не Седунов, другой). Жену Седунова звали Грета. Седунов тоже был в белом плаще и хамовитой наружности.

Помню Сашу Канина, он раньше всех начал машинописные отпечатки стихов на заборе развешивать и по рублю продавать те, что покороче. Длинные шли по три.

Помню пару из Подмосковья: он был белобрысый альбинос с красными глазами, и небольшая жена при нем. Он все хотел профсоюз арбатских поэтов организовать, всем предлагал записываться с паспортными данными. Говорили, что он стукач. Не знаю, куда он там стучал, а вот я всегда опасалась фотографа, который ходил все время по улице и все подряд снимал. А фотографий никто не видел.

Помню дьякона из маленькой церквишки в ближайшем переулке – апостола Филиппа, кажется, – тот любил прилечь на травке с портвешком, за поэзию потеть. Издалека в своей рясе он был похож на отдыхающую на газоне пенсионерку.

Как быстро это все смело временем – и следов не найти. На даче долго валялась папка со сборниками всех, кто тогда работал, а потом пропала. Зря я ее не прятала.

Анна Хоси